

«конструкции с союзом „а“ обозначают обыкновенно противоположение».²²

С большей определенностью роль союза «а» в древнерусском языке выявляется в развернутой статье В. И. Борковского «Союзы „а“ и „и“ начинательные в древнерусских грамотах».²³ Правда, наблюдения В. И. Борковского относятся к языку грамот, но они полностью могут быть применены к особенностям синтаксической структуры древнерусского языка вообще, а значит, и к языку «Слова». На обильном материале древнерусских грамот, начиная с древнейших, В. И. Борковский приходит к выводам, аналогичным выводам М. Петерсона, но только более обоснованным и категоричным. Так, например, он устанавливает, что «на употребление союза „а“ в значении союза, начинающего новое смысловое целое и ограничивающее это целое от предыдущего текста, с которым оно в то же время связано по смыслу, особенно ярко указывают трафаретные формулировки в грамотах с союзом „а“».²⁴ Об ограничивающей роли союза «а» В. И. Борковский говорит также: «... союз „а“ не только присоединяет следующее предложение к предыдущему, но в известной степени и ограничивает это предложение от стоящего ранее, причем лица, предметы и действия в предложениях с союзом „а“ могут противопоставляться или сопоставляться».²⁵ Наконец, он утверждает, что «каждое из предложений с союзом „а“ не объединяется тесно с предыдущим и последующим предложением»²⁶ и т. д.

Вчитываясь на фоне приведенных выше формулировок в разбираемый пассаж, вслушиваясь в его внутреннее звучание, мы не можем не прийти к заключению о несомненно противопоставительной роли союза «а» в начале второй части общего текста. Противопоставительность его напрашивается сама собой, для установления противоположительной функции «а» не нужны специальные теоретические экскурсы. К ним мы сочли необходимым прибегнуть лишь для вящей убедительности. Но она достаточно ясна и для неискушенного в теории и непредубежденного предварительно глаза и слуха. Союз «а» противопоставляет вторую часть всего пассажа его первой половине и в особенности заключительной фразе: «вежи ся половицки подвизашася». Как искусный художник-психолог, автор «Слова» не рисует все моменты бегства в их деталях, следуя за Игорем шаг за шагом, не выпуская ни одной подробности. В передаче отдельных звеньев сцены бегства ощущается некая недоговоренность, эллиптичность и отрывочность, передающие напряженность, тревожность, настоятельность. И эта напряженность, внутренний трепет, объявший Игоря в решительные для него минуты бегства через вражеский стан, целиком проектируется в отрывочных фразах, в их внутренне и внешне не законченной структуре, в динамике и модуляциях ритма. «Сей же [Игорь] вставъ ужасень и трепетень...», — повествует летописец. «Игорь спить, Игорь, бдитъ, Игорь мыслію поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца» — читаем в «Слове». В незаконченной, прерывающейся последовательности и лаконичности отдельных предложений содержатся резкие, внезапные переходы, скачки от одного действия к другому. Автор как бы умышленно не старается уследить за всеми действиями беглеца-князя своим поэтическим взором, он лишь намечает их, предоставляя слушателю самому восполнить их творческим воображением, переживать их. Экономия слова, певец

²² М. Петерсон. Синтаксис «Слова о полку Игореве». — *Slavia. Ročník*, XIV, Sešit 1—2, 1936—1937, стр. 556 и 588.

²³ *Slavia. Ročník*, XXV, Sešit 2, 1955, стр. 184—190.

²⁴ Там же, стр. 186—187.

²⁵ Там же, стр. 188.

²⁶ Там же, стр. 189.